Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

Мне не раз уже приходилось писать о развитии фантастики… Нет, сбиваюсь на штамп. Каждый раз, когда мне представлялась возможность, я с удовольствием говорил о предмете своей любви - фантастике. В частности, вот здесь приведена моя статья в газете
"Книжное обозрение"
, опубликованная лет восемь назад. Тогда я, в основном, рассуждал о снижении уровня образования, об отрыве большой, академической науки от рядового читателя (и писателя) и на этом основании делал вывод, что научная фантастика вымирает.

Мне задали узкую тему и выделили определенное количество строк. Но даже в тех жестких рамках, восемь лет назад я, в частности, писал: "В ближайшее время… увеличится наплыв бессодержательной фэнтези, лучшего или худшего качества в зависимости от таланта автора, но в любом случае служащей только для развлечения - типично эскапистская литература. **Серьезная научная фантастика умирает**. В связи со сложностью написания и прочтения таковой плохо образованными людьми ее подъем можно ожидать лишь в случаях явного научного прорыва… и только тогда, когда мы вновь станем в массе своей образованным народом. Предвижу, что по мере появления хотя бы вариантов выхода из духовной стагнации, из-под власти Чиновника в России вновь наберет силу фантастика социальная, фантастика протеста".

Любопытно, что **газета попросила стать моими оппонентами четырех видных писателей: Сергея Лукьяненко, Эдуарда Геворкяна, Василия Головачева и Павла Амнуэля.**

Сергей Лукьяненко спорил - но не со мной, а с удобным для оспаривания незамысловатым представлением о научной фантастике. Спорил с присущим ему юмором, виртуозно, но в конце концов тоже заговорил о миссии: "Фантастика зовет к звездам, к компьютерным, нано- и биотехнологиям, к научному поиску" и со свойственным талантливым писателям провидением написал: "Многие в свое время состояли с ней (с фантастикой - В.Б.) в тесной связи - как правило, по юности, прежде чем всей душой отдаться Развлекательной, Социальной или Сказочной Фантастике".

Эдуард Геворкян, неизменно мыслящий системно и глобально, выразился так сложно, что я до сих пор не могу понять, каким он видит будущее НФ.

Василий Головачев, как всегда прямо, заявил: "Я за то, чтобы фантастическая литература процветала".

А Павел Амнуэль подытожил: "Главное - чтобы читатель захотел читать научную фантастику, а издатель понял, что такую фантастику нужно издавать".

Честно говоря, оппоненты меня не разубедили. Но сейчас я хочу посмотреть не на научную составляющую, а на главный стержень фантастики как части литературы.

Прежде всего укажу, что тиражи книг - любых - неуклонно падают. Когда деревья были большими (для меня) два канала телевидения показывали (причем только по вечерам, днем вещания не было), в основном, черно-белые картинки передовиков производства. Все свободное время мы проводили на улице: машины встречались раз в десять минут, милиционер был лучшим другом, а мысль о том, что ребенка могут украсть или изнасиловать и в страшном сне в голову никому не приходила. У нас был двор - и книги. Читали взахлеб и все подряд. С тех пор ситуация, мягко говоря, изменилась. Компьютер, интернет, разнообразные электронные гаджеты и мощнейшая индустрия развлечений обусловили совсем иные формы социальной жизни и способы времяпрепровождения. Чтение, как national pastime, кануло в лету. Однако даже на фоне общего "провала" книг фантастика быстрее прочих жанров теряет

читательский интерес. И можно как угодно остроумно проходиться на тему "фантастику хоронят давно", факт остается фактом - она неумолимо теряет поклонников.

О, безусловно, очень многое зависит от писателя, от его таланта и мастерства. Но писатель - тоже порождение своего общества и времени, и я утверждаю, что наше время рождает все меньше великих писателей. Дальше я постараюсь объяснить, почему.

Чтобы говорить о фантастике пятидесятых-семидесятых, с которой мне надлежит сравнить фантастику современную, надо понять, какой она была и из чего она выросла.
Как же зародилась современная американская научная фантастика? Кто сформировал ее такой, как она нам известна?

В начале XX столетия тон в американской фантастике задавал **Эдгар Райз Бэрроуз**. Джон Картер, герой его "Принцессы Марса" (1912 г.) - истинный виргинский джентльмен. Спасаясь от диких индейцев в пещере, он засыпает под действием некоего газа - и астральным путем переносится на Марс, где таинственным образом оказывается в точной копии своего тела (это никак не объяснялось - впрочем, и вопросов у читателей не возникало, так все гладко было сделано). Его берут в плен гигантские зеленые марсиане. Вскоре он становится их вождем и встречает принцессу Марса - прекрасную женщину, только вот откладывающую яйца. Дальше идет история любви и бесконечных погонь.

Бэрроуз расцветил бедную до той поры человеческими эмоциями фантастику, создал фантастический фон для лирической истории. Любовь и подвиги - вот слившиеся воедино темы его произведений. Что могло быть популярнее? И многие писатели не замедлили последовать его примеру. В 1919 году рассказом "Девушка в золотом атоме" начал долгую карьеру в фантастике **Рэй Каммингс**. Его герой, ученый, ухитряется уменьшить себя до такой степени, что попадает в микромир - атом золота. Там он тоже встречается с принцессой, понятное дело, влюбляется в нее… далее все идет по уже накатанной колее.
Но далеко не все полагали, что фантастика должна быть продолжением, пусть и гиперболизированным, приключенческой литературы. Иного мнения придерживались те, кому этот жанр представлялся полигоном, на котором можно испытать самые смелые замыслы, самые немыслимые устройства. Творчество таких писателей приходилось на поистине уникальный отрезок времени, от начала XX века и, пожалуй, до пятидесятых годов. Уникальным я считаю это время потому, что сложность научных идей и стоимость

аппаратуры с неимоверной быстротой превзошли умственные и финансовые возможности отдельного человека. Однако в ту пору Америка все еще оставалась страной изобретателей, самозабвенно творящих новые модели поразительных машин. Чудеса подвластны каждому - ведь и братья Райт начинали когда-то с велосипедной мастерской!

В этот мир моторов и электричества попал **Хьюго Гернсбек** ("Хьюго" - пожалуй, самая престижная американская премия в области фантастики, названа в его честь). Обладатель восьмидесяти патентов, переехав в США из Люксембурга, он сразу же начал издавать журнал "Современная электротехника". Будущее представлялось ему временем, когда непременно осуществится все, что рождалось его буйной инженерной фантазией. Удивительно ли, что своим видением грядущих дней он хотел поделиться с другими?

В 1911 году появился роман Гернсбека под замысловатым названием "Ральф 124С41+". С художественной точки зрения, он не выдерживает никакой критики. Сейчас, пожалуй, его можно читать лишь из "научного" интереса. Персонажи - манекены, стиль - вымученный, неровный, длинные нудные монологи разъясняют то, что в далеком будущем и так должно быть прекрасно известно. Сюжет - не более чем цепь событий, позволяющих автору переходить от одного чуда техники к другому.
И все же роман Гернсбека - одна из важнейших вех в научной фантастике. Казалось бы, не более чем парад чудес - но чудес, логически сконструированных. Многие из них впоследствии стали реальностью: телевидение (название дал Гернсбек), микрофильмы, магнитная запись звука, радары. Мы сегодня живем в этом мире, мире фантазий Хьюго Гернсбека. Читатели, которых переполняли технические грезы, буквально перенеслись в будущее. Нужда в чудесных приключениях отпала - притягательность заключалась в самих чудесах.

Так они и шли, каждая сама по себе, эти две линии в фантастике: любовно-приключенческая и научно-техническая. Потом одна линия стала вырываться вперед. Возможно, ее преобладание ускорил и субъективный фактор; но лишь ускорил, а не обусловил.

В сентябре 1937 года редактором одного из ведущих научно-фантастических журналов "Поразительные истории" (впоследствии "Аналог: научная фантастика - научный факт") стал **Джон Кемпбелл** (в его честь также названа литературная премия, вручаемая лучшему новому автору). Любопытно, что первый его рассказ, написанный под псевдонимом Дон Стюарт, назывался весьма научно "Когда

отказали атомы…".) С его именем связана новая эра фантастики.

Возглавив журнал, Кемпбелл начал собирать свою "команду". В журнале появились произведения **Леона Спрэга де Кампа**, **Лестера Дель Рея**, **Айзека Азимова**
,
Роберта Хайнлайна
,
Теодора Старджона
,
Альфреда Ван Вогта
- писателей, составивших славу не только американской, но и мировой фантастики. Чуть позже пришли
Генри Каттнер
,
Фриц Лейбер
,
Мюррей Лейнстер
,
Уильям Тенн
,
Пол Андерсон
.
Так Кемпбелл собрал, сплотил и во многом сформировал писателей, которые внесли свои имена в скрижали научной фантастики. (Кстати, сам он, став редактором, сочинять вскоре прекратил - видимо, одно из двух…) Все авторы журнала испытывали на себе влияние Кемпбелла. Он развил в них чувство принадлежности к одной семье. Разумеется, соревнование между ними шло, но - дружеское, побуждавшее их умножать знания, оттачивать фантазию, шлифовать мастерство.

А требовал Кемпбелл одного: автор должен жить в будущем. В свою очередь, будущее должно быть жизненным, реальным, объемным и логичным. Нельзя постулировать изобилие вертолетов, не задумываясь, каково при таком шуме будет в городе, да и сохранится ли он вообще. "Даже если ваш герой - робот, читатель ждет от него человеческих эмоций". (Маленькое отступление: знаете, кто писал бы совершенно замечательную фантастику, родись он лет на шестьдесят позже? О. Генри!)

Фантастика пятидесятых-семидесятых открывала горизонты, от которых захватывало дух. В ней фигурировали совершенно невероятные устройства, общества, идеи и явления. Она не читала морали; единственным преобладавшим условием была победа добра над злом. И даже тут фантастика зачастую показывала, сколько относительны

эти понятия - добро и зло.

В лучшей советской фантастике этого периода жило все то же самое, но значила она для читателей гораздо больше - в фантастике искали глотка свободы, с ее помощью жаждали вырваться за пределы разрешенного и установленного. Естественно, ведь фантастика по определению подразумевает инакомыслие! Идеологи и цензоры фантастики боялись до такой степени, что порой в ней видели крамолу даже тогда, когда никакой крамолы автор не замышлял. Сколько яростных споров и обвинений вызвали в свое время **"Час быка" Ивана Ефремова, "Люди как боги" Сергея Снегова, "Улитка на склоне" Стругацких, "Душа мира" М. Емцева и Е. Парнова!** .. Поэтому советская фантастика стала "прикрываться" научной составляющей - мол, она зовет молодежь в науку и технику, ненавязчиво образовывает и ориентирует на исследовательскую работу. И это тоже было правдой. Правдой - но не главным. А главное было то, что фантастика учила возможности непредсказуемых событий, возможности иного взгляда на вещи, учила хотя бы попыткам понимания и терпимости. Да, она звала - к поискам справедливости и духовных истин. Читатели фантастики - и советской, и американской - рвались заглянуть за горизонт, увидеть непредвиденное. "Хотели странного", по выражению Стругацких.

Здравствуй, пастырь!
Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода!

Паства эта (люди, кстати, неплохо образованные) была лучше приспособлена к жизни, потому что мыслила шире, не страшилась неожиданного, была готова воспринять иное мнение, столкнуться с нестандартной ситуацией - и искать не лежащее на поверхности решение.

А потом что-то стало неуловимо, постепенно меняться. Знаете, как в стихотворении Генриха Гейне:

Но в блаженствах наслажденья
Прелесть чувства умерла.
Где вы, сладкие томленья,
Робость юного осла?

Возобладало представление, что вся фантастика должна зиждиться на "реальной" науке, науке, какой она нам видится сейчас. Нет способа перемещаться быстрее скорости света - и из фантастики пропали межгалактические экспедиции. Исчезли бластеры и лучи смерти. Уже немыслима ситуация, когда гениальный (а лучше слегка безумный) одиночка изобретает машину пространства и сломя голову пускается в приключения, захватив с собой, разумеется, подружку. Где фантастика, основанная на науке, которая пока нам неизвестна? Которая пока и на науку-то не похожа? Уже нельзя назвать негра негром, а женщину, извините, ущипнуть. **Политкорректность во всем! - вот девиз современной американской фантастики.** Образно говоря, на старости она потеряла зубы. А для литературы, которая раздвигает рамки, потерять зубы - смертельно опасно. Полагаю, что многие произведения американских "отцов-основателей" (Гаррисона, Ван Вогта, раннего Азимова, еще не нашедшего "реальную" науку) сейчас и не были бы опубликованы. Выражаясь языком советской эпохи, американская фантастика выродилась в "фантастику ближнего прицела"…

Мне трудно объяснить причину такого явления, и уж, безусловно, это тема отдельного разговора. Может быть, такие перемены связаны с исчезновением противостояния двух сверхдержав (в американской фантастике пятидесятых-семидесятых даже космос был поделен на советский и американский сектора), то есть с исчезновением социального заказа и социальной мотивации. Может быть, эти перемены связаны с нарастающей глобализацией и утратой миссии, сверхзадачи, которая осознанно или неосознанно двигала человеческими лидерами. Двести лет назад люди (западной цивилизации) хотели свободы - свободы духа и тела. Потом новых территорий. Потом головокружительных чудес науки, суливших скорое бессмертие и бесконечные запасы чего бы то ни было. Однако последние три десятилетия показали, что наука практически топчется на месте, новых революций в ней не предвидится, да и не надо: угрозы надвигающейся гибели нет, жизнь сытая, а в качестве удовольствий наши поводыри прививают нам законопослушный образ жизни с пивом, спортом, концертами… - и хлеба, и зрелищ хватает.

Мы были паствой, а стали стадом (пока, надеюсь, молочным, а там…). И пока мы существуем, как сытое быдло, такой же, за редчайшим исключением, будет фантастика. Ибо иную быдло не воспримет.

Почему вообще пошли разговоры о том, что фантастика умирает или вырождается? Ведь она есть! Одни ее пишут, другие публикуют, а третьи читают, так ведь?.. Увы, мы словно играем в литературные игры, кто грубее, а кто изящнее упражняемся в эрудиции и тонких философских материях. Сейчас я порой нахожу интересные произведения, например, **Джерри Олшена (Jerry Oltion), Карла Фредерика (Carl Frederick), Х. Г. Стратманна (H.G. Stratmann)** , а недавно был потрясен повестью **Стивена Бакстера "Смертельная ласка" (Stephen Baxter "Formidable Caress")**
, которая буквально переворачивает представления о мире… Мне представляется, что есть еще целые незатронутые области (например, темная энергия и темная материя), которые позволяют построить совершенно немыслимые, любые возможности. Но все это - лучше или хуже написанные холодные рассуждения, интеллектуальные игры. А мы, романтическая паства, подсознательно тоскуем по фантастике взрывной! Хватающей не только за голову, но и за сердце… ну и за другие места. Той, которую строчат не для заработка, а пишут, раздираемые страстями. Которую жаждут люди, "хотящие странного".

Так что же делать? Обречена ли (американская) фантастика на смерть - вернее, на тихую кончину? Надеюсь, что не обречена. Вдохнуть в нее новую жизнь, а лучше вообще переродить в состоянии лишь человек перерожденный. Когда такое осуществимо? Когда затрясутся устои общества, когда весь мир разлетится, как карточный домик, или задрожит на грани взрыва, тогда и воспрянет творческий человек. Социальная смута, революционное изобретение, которое коренным образом перекроит жизнь, стихийные бедствия, грозящие неминуемой катастрофой, нападение пришельцев, в конце концов! Как электрический ток гальванизирует лягушку, так некий мощный сигнал должен встряхнуть человечество - и писателей, и читателей.

Тогда, одетая в красное и серебряное, фантастика будет снова вызывать в воображении образы пожарных машин, что мчатся по улицам и будоражат сердца отчаянными сиренами катастрофы или торжества. Фантастика яркая и неистовая, которую читаешь и чувствуешь: все будет гореть!

Ибо фантастика - это сила ума, но еще больше - сила души. И вот когда у нас снова будет душа, а не живот и копилка, возникнет и новая фантастика. Мне, любившему фантастику в пятнадцать, двадцать пять и тридцать пять, мне, разочаровавшемуся в ней в сорок пять, еще живая искра любви и, не постесняюсь сказать, романтики сейчас диктуют очень осторожную (и очень-очень своеобразную) надежду: "Дождусь!" (перечитайте одноименный рассказ Лари Нивена)…

Владимир Баканов